

В

АНГЛИИ
ВСЕ
НАБОРОТ

АНТОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО
ЮМОРА

АФОРИЗМЫ, ЭССЕ,
РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Б.С.Е.-ПРЕСС

Annotation

Одно из первых художественных произведений Джейн Остен, написанное ею в 15 лет, — маленький роман в письмах, тонкая пародия на чувствительные многотомные романы XVIII века.

- [Джейн Остин](#)
    - [Письмо первое](#)
    - [Письмо второе](#)
    - [Письмо третье](#)
    - [Письмо четвертое](#)
    - [Письмо пятое](#)
    - [Письмо шестое](#)
    - [Письмо седьмое](#)
    - [Письмо восьмое](#)
    - [Письмо девятое](#)
    - [Письмо десятое](#)
    - [Письмо одиннадцатое](#)
    - [Письмо двенадцатое](#)
    - [Письмо тринадцатое](#)
    - [Письмо четырнадцатое](#)
    - [Письмо пятнадцатое](#)
  - [Послесловие](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Джейн Остин

Любовь и дружба

(Jane Austen. Love and Freindship^[1])

*Графине де Февилид посвящает этот роман
автор, ее покорный и преданный слуга.*

«Обманут в дружбе, в чувствах предан»

Письмо первое

Изабелла — Лауре

Как часто, в ответ на мои постоянные просьбы рассказать моей дочери во всех подробностях о невзгодах и превратностях Вашей жизни, Вы отвечали: «Нет, друг мой, на Вашу просьбу я отвечу согласием не раньше, чем мне не будет угрожать опасность пережить вновь подобные ужасы».

Что ж, время это приближается. Сегодня Вам исполнилось пятьдесят пять лет. Если верить в то, что может наступить время, когда женщине не грозит настойчивое ухаживание постылых поклонников и жестокое преследование упрямых отцов, то именно в эту пору жизни Вы сейчас вступаете.

Изабелла.

Письмо второе

Лаура — Изабелле

Хотя я никак не могу согласиться с Вами в том, что и впрямь наступит время, когда меня не будут преследовать столь же многочисленные и тяжкие невзгоды, какие мне довелось пережить, я готова, дабы избежать обвинений в упрямстве или в дурном нраве, удовлетворить любопытство Вашей дочери. Пусть же та стойкость, с какой я сумела перенести выпавшие на мою долю многочисленные несчастья, помогут ей справиться с теми злоключениями, которые предстоит перенести ей самой.

Лаура.

Письмо третье

Лаура — Марианне

Как дочь моей ближайшей подруги, Вы, на мой взгляд, имеете право знать грустную историю моей жизни, рассказать Вам которую Ваша мать меня так часто упрашивала.

Отец мой родом из Ирландии и жил в Уэльсе; матушка была дочерью шотландского пэра и итальянской певички; родилась я в Испании, а образование получила в женском монастыре во Франции. Когда мне исполнилось восемнадцать, отец призвал меня возвратиться под родительский кров, в Уэльс. Дом наш находился в одном из самых живописных уголков долины Аска. Хотя сейчас из-за перенесенных невзгод красота моя уже не та, что прежде, в молодости я была очень хороша собой, однако покладистым нравом не отличалась. Я обладала всеми достоинствами своего пола. В монастыре я всегда успевала лучше остальных, мои успехи для моего возраста были неслыханны, и в очень скором времени я превзошла своих учителей.

Я была средоточием всех мыслимых добродетелей, являя собой пример добропорядочности и благородства.

Единственным моим недостатком (если это можно назвать недостатком) была излишняя чувствительность к малейшим неприятностям моих друзей и знакомых, в особенности же — к неприятностям моим собственным. Увы! Как все изменилось! Хотя сейчас собственные мои злоключения действуют на меня ничуть не меньше, чем раньше, несчастья других более меня не волнуют. Слабеют и мои многочисленные способности: я уже не в состоянии ни столь же хорошо петь, ни столь же изящно танцевать, как когда-то, — minuet de la cour^[2] я забыла напрочь.

Прощайте.

Лаура.

Письмо четвертое

Лаура — Марианне

Круг нашего общения был невелик: ни с кем, кроме Вашей матери, мы не встречались. Быть может, она уже рассказывала Вам, что после смерти родителей, находившихся в весьма стесненных обстоятельствах, она вынуждена была перебраться в Уэльс. Там-то и зародилась наша дружба. Изабелле шел тогда двадцать первый год, и (между нами говоря), хотя была она недурна собой и весьма обходительна, не было в ней и сотой доли той красоты и тех способностей, коими обладала я. Изабелла, правда, повидала мир. Два года она проучилась в одном из лучших лондонских пансионов, две недели провела в Бате и однажды вечером даже ужинала в Саутгемптоне.

«Лаура (не раз говаривала она мне), остерегайся бесцветной суетности и праздного мотовства английской столицы. Держись подальше от скоротечных удовольствий Бата и от вонючей рыбы Саутгемптона».

«Увы (воскликнула я в ответ)! Как, скажи на милость, избежать мне тех пороков, которые никогда не встретятся на моем пути? Велика ли вероятность того, что мне суждено вкусить праздную жизнь Лондона, удовольствия Бата или вонючую рыбу Саутгемптона?! Мне, которой суждено попусту растратить дни моей юности и красоты в скромном коттедже в долине Аска?»

Ах! Тогда я и помыслить не могла, что скоро, совсем скоро суждено мне будет сменить скромный родительский дом на призрачные светские удовольствия.

Прощайте.

Лаура.

Письмо пятое

Лаура — Марианне

Однажды, поздним декабрьским вечером, когда отец, матушка и я сидели у камина, мы вдруг, к нашему величайшему изумлению, услышали громкий стук в дверь нашего скромного сельского жилища. Мой отец вздрогнул.

«Что там за шум?» (спросил он).

«Похоже, кто-то громко стучит в нашу дверь» (отвечала матушка).

«В самом деле?!» (вскричала я).

«И я того же мнения (сказал отец), шум, вне всяких сомнений, вызван неслыханно сильными ударами в нашу ветхую дверь».

«Да (воскликнула я), сдастся мне, кто-то стучится к нам в поисках пристанища».

«Это уже другой вопрос (возразил он). Мы не должны делать вид, что знаем, по какой причине к нам стучатся, хотя в том, что кто-то и в самом деле стучится в дверь, я почти убежден».

Тут второй оглушительный удар в дверь прервал моего отца на полуслове и немного встревожил матушку и меня.

«А не стоит ли пойти посмотреть, кто там? (сказала матушка). Слуг ведь нет».

«Пожалуй» (ответила я).

«Разумеется (добавил отец), совершенно согласен».

«Так пойдемте?» (сказала матушка).

«Чем скорей, тем лучше» (откликнулся отец).

«О, давайте не терять времени понапрасну!» (вскричала я).

Тем временем третий удар, еще более мощный, чем два предыдущих, разнесся по всему дому

«Я убеждена, что кто-то стучится в дверь» (сказала матушка).

«Похоже на то» (сказал отец).

«По-моему, вернулись слуги (сказала я). Мне кажется, я слышу, как Мэри идет к дверям».

«И слава богу (вскричал отец)! Мне уже давно не терпится узнать, кто это к нам пожаловал».

Мои догадки полностью подтвердились. Не прошло и нескольких мгновений, как в комнату вошла Мэри и сообщила, что к нам стучатся молодой джентльмен и его слуга; они сбились с пути, замерзли и умоляют

пустить их обогреться у огня.

«Неужто вы их не впустите?» (спросила я).

«Ты не возражаешь, дорогая?» (спросил отец).

«Конечно нет» (отвечала матушка).

Не дожидаясь дальнейших распоряжений, Мэри немедленно покинула комнату и вскоре вернулась с самым красивым и приветливым молодым человеком, какого мне когда-нибудь приходилось лицезреть. Слугу же она отвела к себе.

На мою тонкую натуру уже и без того произвели сильнейшее впечатление страдания незадачливого незнакомца, поэтому стоило мне встретиться с ним глазами, как я ощутила, что от этого человека будет зависеть счастье или несчастье всей моей жизни.

Прощайте.

Лаура.

Письмо шестое

Лаура — Марианне

Благородный молодой человек сообщил нам, что зовут его Линдсей, — руководствуясь собственными соображениями, однако, впредь я буду называть его «Тэлбот». Он поведал, что его отец — английский баронет, что мать умерла много лет назад и что у него есть сестра весьма средних способностей.

«Мой отец (продолжал он) — подлый и корыстный негодяй — об этом я говорю только вам, своим ближайшим, самым преданным друзьям. Ваши добродетели, мой любезный Полидор (продолжал он, обращаясь к моему отцу), и ваши, дорогая Клавдия, и ваши, моя прелестная Лаура, позволяют мне всецело вам довериться». Мы поклонились. «Мой отец, соблазнившись призрачным блеском богатства и громких титулов, требует, чтобы я всенепременно сочетался браком с леди Доротеей. Но этому не бывать! Леди Доротея, слов нет, прелестна и обаятельна, я бы предпочел ее любой другой женщине, но знайте же, сэр (заявил я ему), брать ее в жены, потворствуя вашим прихотям, я не намерен! Нет! Никогда не пойду я на поводу у своего отца!»

Мы все с восхищением внимали сим мужественным речам. Между тем молодой человек продолжал:

«Сэр Эдвард был удивлен; возможно, он не ожидал столь резкой отповеди.

— Скажи, Эдвард (вскричал он), где набрался ты этого несусветного вздора? Подозреваю, что из романов.

Я промолчал: отвечать было ниже моего достоинства. Вместо этого я вскочил в седло и в сопровождении преданного Уильяма отправился к своим тетушкам.

Поместье моего отца находится в Бедфордшире, тетушка живет в Миддлсексе, и, хотя мне всегда казалось, что географию я знаю вполне сносно, я неожиданно очутился в этой прелестной долине, которая, насколько я могу судить, находится в Южном Уэльсе, а никак не в Миддлсексе.

Побродив некоторое время по берегам Аска, я вдруг сообразил, что не знаю, в какую сторону идти, и принялся оплакивать свой горький жребий. Между тем стемнело, на небе не было ни единой звезды, которая могла бы направить мои стопы, и трудно сказать, что бы со мной случилось, если бы

спустя некоторое время не разглядел я в окружавшей меня кромешной тьме далекий свет, который, когда я приблизился, оказался огнем, призывно пылавшим в вашем камине. Преследуемый всевозможными несчастьями, а именно страхом, холодом и голодом, я, не колеблясь, попросил приюта, каковой, пусть и не сразу, был мне дан. И вот теперь, обожаемая моя Лаура (продолжал он, взяв меня за руку), скажи, могу ли я надеяться, что буду вознагражден за все злоключения, что мне пришлось претерпеть? Скажи же, когда буду я вознагражден тобой?»

«Сию же минуту, дорогой и любезный Эдвард (отвечала я)».

И мы были немедленно обручены моим батюшкой, который, хоть и не был священником, получил богословское образование.

Прощайте.

Лаура.

Письмо седьмое

Лаура — Марианне

Проведя несколько дней после свадьбы в долине Аска, я нежно распростилась с отцом, матушкой и моей Изабеллой и отправилась вместе с Эдвардом в Миддлсекс к его тетке. Филиппа приняла нас с чувствами самыми искренними и теплыми. Приезд мой оказался для нее весьма приятным сюрпризом, ибо она не только ровным счетом ничего не знала о моем браке с ее племянником, но не имела ни малейшего представления о моем существовании.

В это время у нее в доме находилась с визитом сестра Эдварда, Августа, девушка и в самом деле весьма скромных способностей. Меня она встретила с не меньшим изумлением, однако вовсе не с такой же сердечностью, как Филиппа. В том, как она меня приняла, ощущалась неприятная холодность и отталкивающая сдержанность, что было в равной степени печально и неожиданно. Во время нашей первой встречи она не проявила ни живого участия, ни трогательного сочувствия, столь свойственных людям, встречающимся впервые. Она не употребляла теплых слов, в ее знаках внимания не было ни живости, ни сердечности; я было раскрыла ей объятия, готовясь прижать ее к своему сердцу, однако она мне взаимностью не ответила.

Короткий разговор между Августой и ее братом, который я поневоле, стоя за дверью, подслушала, еще более увеличил мою к ней неприязнь и убедил меня в том, что сердце ее не более создано для нежностей любви, чем для тесных уз дружбы.

«Неужто ты думаешь, что батюшка когда-нибудь смирится с этой опрометчивой связью (спросила Августа)?»

«Августа (ответил благородный молодой человек), признаться, я полагал, что ты обо мне лучшего мнения. Неужели ты могла подумать, что я способен уронить себя настолько низко, чтобы придавать значение вмешательству отца в мои дела? Скажи мне, Августа, скажи со всей искренностью: ты помнишь, чтобы я хотя бы раз, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, обращался к отцу за советом или справлялся о его мнении в любом, даже самом пустяшном деле?»

«Эдвард (возразила она), по-моему, ты себя недооцениваешь. Мой дорогой брат, да ты не потакал прихотям батюшки с пяти лет, а не с пятнадцати! И все же у меня есть предчувствие, что, обращаясь к отцу с

просьбой проявить великодушие к твоей жене, ты в самом скором времени вынужден будешь уронить себя в своих собственных глазах».

«Никогда, никогда, Августа, не уроню я таким образом своего достоинства (сказал Эдвард). Проявить великодушие! Лаура в великодушии отца нисколько не нуждается! Какую, по-твоему, помощь может он ей оказать?»

«Ну, хотя бы самую незначительную в виде съестных припасов и вина (ответила она)».

«Съестное и вино (вспылил мой супруг)! Уж не думаешь ли ты, что столь возвышенный ум, как у моей Лауры, более всего на свете нуждается в столь низменных и ничтожных вещах, как съестное и вино?!»

«А по-моему, нет ничего более возвышенного (возразила Августа)!»

«Ты что же, никогда не испытывала сладостные муки любви, Августа (ответил мой Эдвард)? На твой извращенный вкус жить любовью невозможно? Ты что, не можешь себе представить, какое счастье жить с любимым, пусть и без гроша за душой?»

«С тобой (сказала Августа) невозможно спорить. Быть может, впрочем, со временем тебя удастся убедить, что...»

Окончание ее речи мне помешало дослушать очень красивая юная леди; она ворвалась в комнату, распахнув дверь, за которой я стояла. Услышав, что лакей представил ее «леди Доротея», я тут же последовала за ней в гостиную, ибо хорошо помнила, что эту самую леди прочил моему Эдварду в жены безжалостный и жестокосердный баронет.

Хотя, исходя из формальных соображений, визит свой леди Доротея наносила Филиппе и Августе, у меня есть некоторые основания полагать, что (узнав о браке Эдварда и его приезде) основной причиной ее появления послужило желание увидеть меня.

Я вскоре заметила, что, хотя леди Доротея была хороша собой и обходительна, во всем, что касается изысканных мыслей восприимчивости и нежных чувств она принадлежала к существам столь же неполноценным, что и Августа.

В доме Филиппы она провела не более получаса и за это время ни разу не поделилась со мной своими тайными мыслями, не вызвала меня на конфиденциальный разговор. А потому Вы с легкостью представите себе, моя дорогая Марианна, что нежными чувствами к леди Доротее я не воспылала, не испытала к ней искренней привязанности.

Прощайте.

Лаура.

Письмо восьмое

Лаура — Марианне (в продолжение предыдущего)

Не успела леди Доротея нас покинуть, как объявился, причем столь же неожиданно, еще один посетитель. То был сэр Эдвард; узнав от Августы о свадьбе ее брата, он, вне всяких сомнений, приехал попрекнуть сына за то, что тот посмел со мной обречься без его ведома. Однако Эдвард его опередил: стоило сэру Эдварду войти в комнату, как он, со свойственной ему решительностью, обратился к отцу со следующими словами:

«Сэр Эдвард, я знаю, какую цель вы преследовали, приехав сюда. Явились вы с гнусным намерением попрекнуть меня тем, что я заключил нерасторжимый союз с моей Лаурой без вашего согласия. Но, сэр, я этим союзом горжусь... Горжусь тем, что вызвал неудовольствие своего отца!»

И с этими словами он взял меня за руку и, покуда сэр Эдвард, Филиппа и Августа отдавали в своих мыслях должное его беспримерной отваге, вывел меня из дома к еще стоявшей у дверей карете отца, и мы немедленно отправились в путь, спасаясь от преследования сэра Эдварда.

Вначале фореиторам приказано было выехать на лондонскую дорогу, однако, по трезвому размышлению, мы распорядились ехать в М., город, в котором жил ближайший друг Эдварда и который находился всего в нескольких милях отсюда.

В М. мы прибыли спустя несколько часов и, назвавшись, были незамедлительно приняты Софией, женой друга Эдварда. Представьте себе мои чувства, когда я, лишившись три недели назад ближайшей подруги (ибо таковой я считаю Вашу матушку), вдруг поняла, что вижу перед собой ту, что воистину достойна называться ею. София была немного выше среднего роста и великолепно сложена. От ее прелестных черт веяло легкой истомой, отчего она казалась еще красивее... Чувствительность была ее отличительной чертой. Мы бросились друг другу в объятия и, поклявшись быть верными нашей дружбе до конца дней, немедленно поведали друг другу самые заветные свои тайны... Наш разговор по душам был прерван Огастесом, другом Эдварда, который, по обыкновению, гулял в одиночестве и только что вернулся.

Никогда прежде не приходилось мне становиться свидетелем столь трогательной сцены, какой явилась встреча Эдварда и Огастеса.

«Жизнь моя! Душа моя!» (воскликнул первый).

«Мой обожаемый ангел!» (отвечал второй).

И они бросились друг другу в объятия. На нас с Софией сцена эта произвела неизгладимое впечатление... Одна за другой рухнули мы на диван без чувств.

Прощайте.

Лаура.

Письмо девятое

Та же — той же

К концу дня получили мы от Филиппы следующее письмо:

«Ваш внезапный отъезд привел сэра Эдварда в ярость. Августу он увез к себе в Бедфордшир. Как бы ни хотелось мне вновь наслаждаться вашим прелестным обществом, не могу заставить себя разлучить вас со столь близкими и достойными друзьями... Когда же ваш визит к ним завершится, надеюсь, вы вернетесь в объятия вашей Филиппы».

На это эмоциональное послание мы ответили соответствующим образом и, поблагодарив Филиппу за любезное приглашение, заверили ее, что, если податься нам будет некуда, мы непременно им воспользуемся. Хотя любому здравомыслящему существу столь благородный ответ пришелся бы по душе, она, с присущим ей своеобразием, осталась нами недовольна и спустя несколько недель, то ли желая отомстить нам за наше поведение, то ли изменить свое одинокое существование, вышла замуж за молодого и необразованного искателя приключений. Сей неразумный шаг (хотя мы и понимали, что он, весьма вероятно, лишит нас наследства, которое мы были вправе ожидать от Филиппы) не вызвал у нас, при всей нашей чувствительности, ни единого вздоха. В то же время из страха, что шаг этот станет для обманутой невесты источником нескончаемых страданий, случившееся, когда мы впервые о нем узнали, взволновало нас чрезвычайно. Страстные призывы Огастеса и Софии считать их дом нашим домом с легкостью убедили нас никогда более с ними не расставаться. В обществе моего Эдварда и этой прелестной пары провела я самые счастливые мгновения своей жизни. Время летело незаметно во взаимных заверениях в неизменной дружбе и вечной любви, наслаждаться коими нам не мешали назойливые и незваные посетители: вернувшись домой, Огастес и София весьма своевременно позаботились о том, чтобы сообщить своим соседям, что, коль скоро счастье их целиком и полностью зависит только от них самих, они ни в чьем обществе более не нуждаются. Но, увы, дорогая моя Марианна! Такое счастье, какому я тогда предавалась, было слишком безоблачным, чтобы длиться вечно, и все наши радости были разом уничтожены одним страшным и внезапным ударом. После всего того, что я Вам уже рассказывала об Огастесе и Софии, паре, счастливее которой не было на свете, Вам, полагаю, нет нужды объяснять, что союз их не входил в планы их жестоких и корыстных родителей, которые с исключительным

упорством понапрасну пытались заставить и Огастеса, и Филиппу пойти под венец с теми, кто был им глубоко ненавистен. Несмотря на все эти старания, молодые люди с героической стойкостью, достойной восхищения и преклонения, наотрез отказались подчиниться родительской деспотии.

После того как, заключив тайный брак, Огастес и София сбросили оковы родительского самоуправства, они вознамерились не поступаться добрым о себе мнением, каковое они завоевали в свете, и не принимать предложение родителей заключить перемирие — тем самым еще отважнее отстаивая свою благородную независимость, на которую, впрочем, никто уже более не покушался.

Когда мы приехали, женаты молодые люди были уже несколько месяцев, при этом жили они на широкую ногу. Дело в том, что за несколько дней до того, как обручиться с Софией, предприимчивому Огастесу удалось выкрасть из секретера своего недостойного отца весьма значительную сумму денег.

К нашему приезду, однако, расходы их существенно возросли, средства же были почти полностью израсходованы. Несмотря на это, сии возвышенные существа считали для себя унижительным хотя бы на минуту задуматься о своем бедственном положении, и одна лишь мысль расплатиться с долгами повергала их в краску стыда. И какова же была награда за такое столь бескорыстное поведение?! Несравненного Огастеса арестовали, и мы поняли, что всем нам пришел конец. Столь вероломное предательство безжалостных и бессовестных негодяев, совершивших это грязное дело, наверняка ранит Вашу нежную душу, дражайшая Марианна, ничуть не меньше, чем потрясло оно Эдварда, Софию, Вашу Лауру, да и самого Огастеса. В довершение этого несравненного варварства нас известили, что в самом скором времени в доме учинен будет обыск. Ах, что нам оставалось делать?! Мы испустили глубокий вздох и упали без чувств на диван.

Прощайте.

Лаура.

Письмо десятое

Лаура — Марианне (продолжение)

Когда мы немного пришли в себя от охвативших нас горьких чувств, Эдвард призвал нас задуматься, что предпринять в сложившейся ситуации, — он же тем временем отправится навестить своего посаженного в тюрьму друга, чтобы вместе с ним оплакать его горькую судьбу. Мы пообещали, что задумаемся, и он уехал в город. В его отсутствие мы выполнили его желание и после длительных размышлений пришли к выводу, что лучше всего нам будет покинуть дом, куда в любой момент могут ворваться судебные приставы. А потому мы с огромным нетерпением ждали возвращения Эдварда, дабы сообщить ему результаты наших раздумий. Однако Эдвард не возвращался. Напрасно считали мы минуты до его возвращения, напрасно рыдали, напрасно даже вздыхали — Эдварда не было. Для наших нежных чувств то был слишком жестокий, слишком неожиданный удар; мы ничего не могли поделать — разве что упасть в обморок. Наконец, собрав всю решимость, на какую только была я способна, я поднялась и, сложив вещи, свои и Софии, довела ее до кареты, которую перед тем предусмотрительно распорядилась заложить, и мы немедленно выехали в Лондон. Поскольку дом Огастеса находился всего в двенадцати милях от города, в столицу мы въехали довольно скоро, и, оказавшись в Холборне, я принялась спрашивать у каждого проходившего мимо прилично одетого человека, не видели ли они моего Эдварда.

Но оттого, что ехали мы слишком быстро и отвечать на мои вопросы прохожие не успевали, я, признаться, мало что выяснила, а вернее, и вовсе ничего.

«Куда прикажете ехать?» — спросил фореитор.

«В тюрьму Ньюгейт, ^[3] славный юноша (ответила я), к Огастесу».

«О нет, нет (воскликнула София), только не это, в Ньюгейт я ехать не в состоянии. Я не смогу вынести вида моего Огастеса в столь чудовищном застенке. Даже рассказ о его страданиях омрачает мне душу; если же я воочию увижу, как он мучается, то не выдержу...»

Поскольку я была целиком согласна с тем, как София оценивает свои чувства, фореитору было незамедлительно приказано возвращаться в деревню. Вас, быть может, удивит, моя дорогая Марианна, что в бедственном положении, в котором я тогда оказалась, лишенная всякой помощи и без крыши над головой, я ни разу не вспомнила моих отца и

матушку, а также родительский кров в долине Аска. Чтобы хоть как-то объяснить свою забывчивость, должна сообщить Вам одно незначительное обстоятельство, о котором еще не упоминала. Я имею в виду смерть родителей, которая случилась через несколько недель после моего отъезда. После их кончины я стала законной наследницей их дома и состояния. Но увы! Дом, как оказалось, никогда не был их собственностью, состояние же — всего лишь их пожизненной рентой. Такова несправедливость мира! К Вашей матушке я бы вернулась с превеликим удовольствием, была бы счастлива познакомить ее с моей прелестной Софией и с радостью провела бы остаток дней в их обществе в долине Аска, если бы одно обстоятельство не воспрепятствовало осуществлению сих радужных планов, а именно: Ваша матушка вышла замуж и уехала в Ирландию.

Прощайте.

Лаура.

Письмо одиннадцатое

Лаура — Марианне (продолжение)

«У меня есть родственник в Шотландии (сказала мне София, когда мы выехали из Лондона), который наверняка будет рад нас приютить».

«Приказать форейтору ехать в Шотландию? — спросила было я, но тут же одумалась и воскликнула: — Увы, столь долгое путешествие будет для лошадей слишком обременительным».

Не желая, однако, действовать сообразно лишь своим, весьма нетвердым знаниям о выносливости лошадей, я обратилась за советом к форейтору, который, как выяснилось, придерживается на сей счет моего мнения. А потому мы сообща приняли решение в ближайшем же городе сменить лошадей и остаток пути проделать на почтовых. Прибыв на последнюю станцию, находившуюся всего в нескольких милях от дома родственника Софии, и не желая навязывать ему свое общество, мы написали ему очень изящное, продуманное письмо, где описывалось наше отчаянное положение и говорилось о нашем намерении провести у него в Шотландии несколько месяцев. Как только письмо это было отправлено, мы приготовились следовать за ним и с этой целью уже садились в экипаж, когда наше внимание привлекла въехавшая на двор станции карета с короной, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел джентльмен весьма почтенных лет. Стоило только мне его увидеть, как сердце мое взволнованно забилося, и, бросив на него взгляд не столь мимолетный, как в первый раз, я испытала к этому человеку внезапную симпатию; догадка меня осенила: то был мой дед. Убедившись, что в своих предположениях я никак не могла ошибиться, я в ту же минуту опрометью бросилась вон из экипажа, где только что разместилась, и, последовав за сим знатным незнакомцем в комнаты, куда его проводили, бросилась перед ним на колени и взмолилась, чтобы он признал во мне свою внучку. Пожилой джентльмен вздрогнул и, внимательно изучив черты моего лица, поднял меня с колен и, по-отечески крепко обняв, воскликнул:

«Как же мне не признать тебя?! Тебя, вылитую копию моей Лаурины и дочери Лаурины, светлый образ и подобие моей Клавдии и матери Клавдии! Да, я торжественно заявляю: ты — дочь первой из вышеназванных и внучка второй!»

В эту минуту, обеспокоенная моим внезапным бегством, в комнату за мной следом вбежала София, и, стоило сему по чтенному джентльмену

бросить на нее пусть и мимолетный взгляд, как он с ничуть не меньшим изумлением вскричал:

«Еще одна внучка! Да, да, я узнаю тебя, ты — дочь старшей дочери моей Лаурины, о чем неопровержимо свидетельствует твое сходство с красавицей Матильдой».

«Ах, отвечала София, — стоило мне только увидеть вас, как сердце мне подсказало: нас связывают тесные родственные узы. Вот только какие именно?... Этого я определить не смогла...»

Тут он раскрыл ей свои объятия, и, пока они нежно обнимались, дверь в комнату распахнулась, и на пороге вырос молодой человек редкой красоты. Стоило только лорду Сент-Клеру (а это был он) увидеть его, как он вздрогнул, отшатнулся и, воздев руки, вскричал:

«Боже! Еще один внук! Какое счастье! На протяжении каких-нибудь трех минут я обрел сразу нескольких наследников. Это, в чем я нисколько не сомневаюсь, Филандер, сын прелестной Берты, третьей дочери моей Лаурины. Теперь, чтобы собрались все внуки моей Лаурины, не хватает лишь Густава!»

«А вот и он! (воскликнул юный красавец, который в это самое мгновение вошел в комнату). Перед вами тот самый Густав, которого вы так хотели видеть. Я — сын Агаты, четвертой и самой младшей дочери вашей Лаурины».

«Я вижу, что это и в самом деле вы, — сказал лорд Сент-Клер. — Но скажите мне (продолжал он, с опаской глядя на дверь), на этом постоялом дворе есть и другие мои внуки?»

«Больше ни одного, милорд».

«В таком случае я, не мешкая более, обеспечу вас, всех до одного. Вот четыре банкноты по 50 фунтов каждая... Возьмите их и помните, что свой долг отца и деда я исполнил».

И с этими словами он незамедлительно покинул комнату, а затем и дом.

Прощайте.

Лаура.

Письмо двенадцатое

Лаура — Марианне (продолжение)

Можете себе представить, как были мы удивлены внезапным отъездом лорда Сент-Клера.

«Подлый старикан!» — воскликнула София. «Недостойный дед!» — вырвалось у меня, после чего мы тут же одновременно лишились чувств и упали друг другу в объятия. Не знаю, сколько времени пролежали мы в обмороке; когда же пришли в себя, то обнаружили, что находимся в комнате одни; не было ни Густава, ни Филандера, ни наших банкнот. Пока мы оплакивали свою горькую судьбу, дверь отворилась, и слуга объявил о приезде некоего Макдональда. Это и был кузен Софии. Та поспешность, с какой он отправился к нам на помощь сразу после получения нашей записки, настолько говорила в его пользу, что я чуть было не назвала его, хоть и видела впервые в жизни, нежным и преданным другом. Увы! Макдональд нисколько не заслуживал этого комплимента, ибо, хоть он и сообщил нам, что весьма опечален нашими злоключениями, однако, по его же собственным словам, история наша не вызвала у него ни единого вздоха, ни одного проклятия в адрес отвернувшихся от нас небес. Он сообщил, что его дочь очень рассчитывает, что София вернется вместе с ним в Макдональд-Холл и что мне, как подруге его кухни, также будут там очень рады. После чего мы все вместе отправились в Макдональд-Холл, где были очень ласково приняты Жанеттой, дочерью Макдональда и хозяйкой дома. Жанетте было тогда всего пятнадцать. Сердца от природы доброго, наделенная восприимчивым нравом и приятной наружностью, она могла бы, буде эти качества должным образом поддержаны и развиты, стать украшением человеческой природы; но, к несчастью, отец ее не обладал достаточно возвышенной душой, дабы восхищаться чертами столь многообещающими, а потому пытался любыми средствами помешать их становлению. Ему удалось погасить горение ее пылкого сердца, и она вынуждена была ответить согласием на предложение молодого человека, с которым он же ее и познакомил. Обручиться им предстояло через несколько месяцев, и, когда мы приехали, Грэм находился в доме с визитом. Вскоре мы поняли, что он собой представляет: то, что выбор Макдональда пал на него, чувствовалось буквально во всем. Нам говорили, что он разумен, развит не по годам и приятен в обращении. Судить о подобных пустяках мы не считали себя вправе, но коль скоро у нас не оставалось

никаких сомнений, что он бездушен, никогда не читал «Вертера»^[4] и волосы его при всем желании не назовешь золотистыми, мы ничуть не удивились, что Жанетта не испытывает к нему никакого чувства. Уже одно то, что избран он не ею, а ее отцом, было настолько не в его пользу, что, даже заслуживай он ее во всех прочих отношениях, являлось в глазах Жанетты достаточно веской причиной, чтобы его отвергнуть. Этими соображениями мы и вознамерились с ней поделиться, представив ситуацию в ее истинном свете и нисколько не сомневаясь, что добьемся успеха у этой весьма здравомыслящей особы, чьи просчеты были вызваны как отсутствием доверия к своему собственному мнению, так и пренебрежением к мнению своего отца. Как мы и рассчитывали, мы нашли в ней полное понимание и безо всякого труда сумели уговорить ее, что Грэма она не полюбит никогда и что не подчиняться отцу — ее долг. Пожалуй, лишь наши заверения в том, что она должна связать свою жизнь с кем-то другим, вызывали у нее определенные сомнения. Некоторое время она твердила, что не знает ни одного молодого человека, к которому бы питала малейшую привязанность, однако когда мы сказали ей, что такого просто не может быть, призналась, что капитан Маккенри и в самом деле нравится ей больше других молодых людей, ей известных. Признание это вполне нас удовлетворило, и, перечислив положительные качества Маккенри и убедив ее, что она от него и впрямь без ума, мы пожелали узнать, признавался ли сей достойный джентльмен Жанетте в любви.

«Коль скоро он еще ни разу не говорил мне о своих чувствах — сказала Жанетта, — у меня нет никаких оснований полагать, что он меня хоть сколько-нибудь любит».

«В том, что он вас обожает (возразила ей София), не может быть никаких сомнений... Привязанность всегда обоюдна. Скажите, неужели он ни разу не бросил на вас восхищенного взгляда, не сжимал вашу руку, не обронил случайную слезу... не вышел из комнаты без всякой видимой причины?»

«Мне, во всяком случае, такое не запомнилось (ответила Жанетта)... Верно, он всегда выходил из комнаты, когда его визит подходил к концу, но ни разу не было, чтобы он покидал комнату внезапно, даже не поклонившись».

«Уверяю вас, душа моя (вступила в разговор я), вы глубоко заблуждаетесь: не может быть, чтобы он ни разу не оставлял вас в смущении, отчаянии, не покидал комнату в поспешности. Вдумайтесь, Жанетта: было бы странно, если в создавшейся ситуации он бы поклонился вам на прощанье или вел себя как любой другой гость».

Убедив Жанетту в нашей правоте, мы посчитали своим долгом подумать о том, каким образом сообщить Маккенри о тех чувствах, какие испытывала к нему Жанетта...

В конце концов мы договорились, что расскажем Маккенри об этих чувствах, написав ему анонимное письмо:

«О счастливый возлюбленный прекрасной Жанетты! О благородный обладатель ее сердца, сердца той, что отдана другому! Скажи, почему ты до сих пор не признался в своих чувствах предмету своей любви?! Вдумайся: еще несколько недель, и всякой радужной надежде, какая у тебя еще наверняка теплится, настанет конец, ибо несчастная жертва отцовской жестокости обручена будет с постылым и отвратным Грэмом! Так почему же ты, жестокосердный, потворствуешь ее и твоему будущему несчастью?! Поделись же поскорей тем планом, какой у тебя наверняка созрел! Ваш тайный союз спасет вас обоих и явится залогом вашего будущего счастья!»

Благородный Маккенри, чья скромность, в чем он впоследствии признался, была единственной причиной того, что он столь долго скрывал свою необузданную страсть к Жанетте, понесся, получив сие пылкое послание, на крыльях любви в Макдональд-Холл и с таким жаром выразил свои чувства к той, кто внушил их ему, что после нескольких встреч наедине молодые люди, к нашей с Софией вящей радости, отбыли в Гретна-Грин, где и вознамерились отпраздновать свой союз, предпочтя это место всем остальным, хотя от Макдональд-Холла оно и находилось на весьма почтительном расстоянии.

Прощайте.

Лаура.

Письмо тринадцатое

Лаура — Марианне (продолжение)

Только спустя почти два часа после их отъезда Макдональд и Грэм заподозрили недоброе. Впрочем, даже и тогда отсутствие влюбленных не вызвало бы подозрений, если бы не следующее незначительное происшествие. Отперев однажды по чистой случайности одним из своих собственных ключей потайной ящик в библиотеке Макдональда, София обнаружила, что в ящике этом он хранит важные бумаги, а также некоторое количество крупных банкнот. Этим открытием она поделилась со мной, и, договорившись, что лишить этой суммы, возможно добытой нечестным путем, такого гнусного негодяя, как Макдональд, будет более чем справедливо, мы решили, что всякий раз, когда кому-нибудь из нас случится оказаться в этой комнате, мы будем изымать из ящика одну или несколько банкнот. Сей хорошо продуманный план мы часто и с успехом осуществляли; но, увы, именно в день бегства Жанетты, в ту самую минуту, когда София торжественно извлекла из ящика пятую по счету банкноту, собираясь переложить ее в свой кошелек, в комнату, причем без всякого предупреждения, ворвался не кто-нибудь, а сам Макдональд. София (которая, при всем своем обезоруживающем мягкосердечии, умела, когда ситуация того требовала, держаться с тем достоинством, на какое способен только прекрасный пол) окинула распоясавшегося проходимца суровым взглядом и срывающимся от возмущения голосом поинтересовалась, по какому праву врывается тот в комнату без стука, нарушая тем самым ее уединение. Бессовестный Макдональд, не пытаясь даже отвести от себя обвинение, попытался, в свою очередь, пристыдить Софию за то, что та якобы хочет завладеть его деньгами. Этого София стерпеть не могла.

«Негодяй (вскричала она, поспешно пряча банкноту обратно в ящик)! Как смеешь ты обвинять меня в поступке, одна мысль о котором вгоняет меня в краску?!»

Однако низкий негодяй, как ни в чем не бывало, продолжал поносить оскорбленную Софию, да еще в столь непристойных выражениях, что в конце концов нежная сия натура не выдержала и, желая отыграться, в сердцах поведала ему о бегстве Жанетты, а также о том, какую активную роль мы в этом сыграли. В самый разгар их ссоры случилось войти в библиотеку и мне, и Вы легко можете себе представить, что и я, ничуть не меньше Софии, была оскорблена огульными обвинениями в свой адрес

злонамеренного и презренного Макдональда.

«Низкий негодяй (вскричала я)! Кто позволил тебе бессовестно очернять безукоризненную репутацию сего ангела во плоти?! Отчего в таком случае не подозреваешь ты и меня?»

«Будьте покойны, сударыня (отвечал он), точно так же я подозреваю и вас, а потому требую, чтобы вы обе немедленно покинули этот дом. Даю вам на сборы полчаса».

«Мы сделаем это с охотой (ответила София), в душе ведь мы уже давно возненавидели тебя, и если бы не дружеские чувства к твоей дочери, не оставались бы так долго под твоей крышей!»

«И вы еще называете это дружескими чувствами (отвечал он)?! Хороша дружба — отдать мою единственную дочь на поругание беспринципному авантюристу!»

«Да (воскликнула я)! Во всех наших несчастьях меня утешает лишь мысль о том, что этим дружеским поступком в отношении Жанетты мы сполна рассчитались за гостеприимство, оказанное нам ее отцом!»

«За что я вам обеим от души благодарен!» — съязвил он.

Сложив наш гардероб и ценные вещи, мы немедленно покинули Макдональд-Холл и, пройдя пешком мили полторы, никак не меньше, присели отдохнуть на берегу прозрачного, чистого, как горный ключ, ручья. Живописное место это располагало к раздумьям. С востока нас обступали огромные вязы, с запада — высокая крапива. Перед нашим взором бежал, что-то сонно бормоча, ручей, а за нашей спиной вилась дорога. Красивые места, нас окружавшие, настроили нас на мечтательный лад. Молчание, которое хранили мы обе, первой нарушила я:

«Как же здесь прелестно! Жаль, что Эдварда и Огастеса нет сейчас с нами рядом!»

«Ах, дорогая моя Лаура (вскричала София)! Пожалей меня — не вспоминай о том несчастье, какое стряслось с моим брошенным в тюрьму мужем. Я готова на все — лишь бы только узнать о судьбе Огастеса! Где он? Еще в Ньюгейте или уже на виселице? Увы, я слишком ранима: справляться о его судьбе — выше моих сил! Ах! Умоляю тебя, не произноси впредь при мне сего имени... Я не могу его слышать без содроганий!..»

«Прости меня, София, за то, что невольно досадила тебе», — ответила я и, желая сменить тему разговора, предложила ей насладиться благородным величием вязов, под сенью коих скрывались мы от восточного ветра.

«Заклинаю тебя, Лаура (отозвалась София), постарайся избегать столь

печальной темы. Пожалуйста, впредь не ущемляй мои чувства наблюдением за этими вязами. Они напоминают мне об Огастесе. Он был им сродни: такой же высокий, такой же статный, такой же величавый... Он обладал тем самым благородным величием, какое отличает и их».

Боясь, как бы вновь невольно не расстроить Софию, заговорив на тему, которая могла бы в очередной раз напомнить ей об Огастесе, я замолчала.

«Почему же ты ничего не говоришь, моя Лаура (промолвила она после короткой паузы)? Я не в состоянии переносить эту тишину, ты не должна оставлять меня наедине с моими печальными раздумьями — они ведь постоянно вызывают в памяти Огастеса».

«Какое великолепное небо (воскликнула я)! Как хороши белые облака на лазурном небосводе!»

«Ах, Лаура (отвечала София, поспешно опуская глаза, воздетые было к небу)! Не расстраивай меня. Не привлекай мое внимание к тому, что столь неумолимо напоминает мне атласный жилет моего Огастеса, синий в белую полоску. Пожалей же свою несчастную подругу и не заговаривай на темы бесконечно безотрадные».

Что мне было делать? София была столь ранима, нежные чувства, которые она испытывала к Огастесу, столь обострены, что у меня не было сил начинать любую другую тему, ибо я очень боялась, что тема эта может каким-то непредсказуемым образом вновь задеть ее чувства, вызвать в памяти печальный образ ее супруга. Вместе с тем продолжать хранить молчание было бы жестоко — она ведь умоляла меня не молчать.

Но тут случилось нечто такое, что отвлекло меня от сей печальной дилеммы, а именно: фаэтон, проезжавший мимо по вившейся невдалеке от нас живописной дороге, на мое счастье, внезапно перевернулся. Произошел этот случай и в самом деле как нельзя более кстати, ибо он отвлек Софию от грустных мыслей, неотступно ее преследовавших. Немедля покинув наше укрытие, мы бросились на помощь тем, кто еще несколько мгновений назад восседал в модном фаэтоне и обозревал окрестности, — теперь же, низко пав, лежал распростертый в пыли.

«Вот прекрасный повод задуматься о скоротечных радостях этого мира! — успела проговорить я, покуда мы с Софией со всех ног бежали к месту происшествия. — Согласись, фаэтон этот ничуть не меньше, чем „Жизнь кардинала Вулси“, ^[5] способен увлечь пытливого ум!»

София не успела ответить мне, ибо все наши мысли заняты были открывшимся нам ужасным зрелищем... Первое, что бросилось нам в глаза, были два джентльмена, изысканно одетые и при этом обливающиеся кровью... Мы приблизились... То были Эдвард и Огастес... Да, дражайшая

Марианна, это были наши мужья. София издала пронзительный крик и рухнула наземь как подкошенная. Я истошно закричала и впала в безумие. Некоторое время мы обе были без чувств, когда же наконец пришли в себя, спустя несколько мгновений лишились сознания вновь. Час с четвертью не могли мы выйти из этого прискорбного состояния: София всякую минуту падала в обморок, а я столь же часто впадала в безумие. Наконец жалобный стон незадачливого Эдварда (только в нем еще теплилась жизнь) окончательно привел нас в чувство. Пойми мы сразу, что хотя бы один из них жив, мы бы, вероятно, так не отчаивались и что-то предприняли; но коль скоро мы сочли, когда их увидели, что их уже нет в живых, то решили, что помочь им уже невозможно, и полностью предались горю. Вот почему, стоило только нам услышать стенания моего Эдварда, как мы тут же перестали сокрушаться, со всех ног бросились к бедному юноше и, упав перед ним на колени, взмолились, чтобы он не умирал.

«Лаура (прошептал он, вперив в меня мутный взор), боюсь, я перевернулся...»

Я была вне себя от радости — ведь он еще был в сознании.

«Ах, скажи мне, Эдвард (вскричала я), умоляю, скажи, пока ты еще жив, что произошло с тобой с того ужасного дня, когда Огастеса арестовали и судьба нас разлучила».

«Да...» (начал было он) и, издав глубокий вздох, скончался.

София тут же вновь упала в обморок. Мое горе выразилось иначе. Я потеряла дар речи, глаза мои закатились, лицо стало бледным, как у покойника, и я почувствовала, что разум меня покидает...

«Только не говорите со мной о фэтонах (закричала я не своим голосом)! Дайте мне скрипку... Я сыграю ему, я утешу его в этот горький час... Эй вы, нежные нимфы, берегитесь громовых раскатов Купидона, бегите разящих стрел Юпитера... Взгляните на эту еловую рощу... Я вижу баранью ногу... Мне сказали, что мой Эдвард не умер, но меня обманули... они приняли его за огурец...»

Еще долго продолжала я издавать сии истошные и бессвязные крики над телом моего Эдварда...

Прошло уже два часа, как я оплакивала Эдварда и наверняка бы на этом не остановилась, ибо ничуть не устала, если бы София, которая только что в очередной раз пришла в сознание, не призвала меня задуматься о том, что приближается ночь и с каждой минутой становится все более сыро и промозгло.

«И куда же мы пойдем (спросила я), чтобы скрыться от мрака и сырости?»

«В этот белый коттедж» (ответила София, указывая на небольшой уютный дом, который скрывался за вязами и только сейчас открылся моему взору).

Я согласилась, и мы тотчас же направились к нему. Мы постучали, дверь нам открыла старая женщина; на нашу просьбу пустить нас переночевать она сообщила, что дом ее очень невелик, что в нем всего-то две комнаты, однако одну из них она готова нам предоставить. Мы очень обрадовались и последовали за доброй женщиной в дом, где, к вящему нашему удовольствию, увидели ярко пылающий в камине огонь. У хозяйки дома, вдовы, была дочь семнадцати лет. Всего семнадцати! Прекрасный возраст! Но увы! Девушка оказалась очень нехороша собой. Звали ее Бриджет... Ждать от нее было нечего. Трудно было предположить, что ее отличают возвышенные идеалы, тонкие чувства, благородные помыслы. То была всего-навсего добропорядочная, скромная, услужливая молодая женщина. Испытывать неприязнь к такой, как она, было не за что; она вызывала скорее презрение, чем отвращение.

Прощайте.

Лаура.

Письмо четырнадцатое

Лаура — Марианне (продолжение)

Вооружитесь же, мой благородный юный друг, всей философией, какой только владеете; соберите все мужество, какое имеется у Вас в наличии, ибо на этих страницах Ваши чувства подвергнутся самому тяжелому испытанию. Ах! То, что мне пришлось перенести, — ничто в сравнении с тем, о чем собираюсь я Вам поведать. Кончина отца, матушки и мужа, хоть и явилась для меня тяжким ударом, была сущим пустяком в сравнении с тем несчастьем, коему предстояло выпасть на мою долю. На следующее утро София пожаловалась на сильнейшую боль в нежных ее членах, которая сопровождалась мучительной головной болью. Свое состояние она объяснила простудой, которую подхватила из-за того, что накануне вечером то и дело падала в обморок на влажную от росы траву. По всей вероятности, именно так дело и обстояло; что же до меня, то ее участи мне удалось избежать лишь потому, что, впав в безумие, я так громко рыдала и кричала, оплакивая своего покойного мужа, что тем самым разогнала кровь в жилах и спаслась от промозглой ночной сырости; тогда как Софии, которая подолгу и без движения лежала на холодной земле, уберечься не удалось. Ее недомогание чрезвычайно меня взволновало, ибо, каким бы пустяшным оно ни казалось, внутреннее чувство подсказывало мне: в конечном счете болезнь эта станет для нее роковой.

Увы! Мои опасения полностью подтвердились: с каждым днем Софии становилось все хуже, пока наконец она была уже не в силах подняться с постели, гостеприимно предоставленной нам доброй нашей хозяйкой. Вскоре недомогание ее обернулось скоротечной чахоткой, и через несколько дней ее не стало. Горько оплакивая свою подругу (можете мне поверить, горе мое было неизбежно), я утешала себя лишь тем, что не бросила ее на произвол судьбы. Я рыдала над ней каждый день — омыла ее нежный лик слезами, сжимала своими руками нежные ее руки...

«Моя любимая Лаура (сказала она мне за несколько часов до кончины), пусть мой несчастный конец научит тебя быть благоразумной и избегать обмороков... Хотя в определенные моменты они приятны и действуют успокаивающе, поверь мне: в конце концов, если обмороки эти будут повторяться слишком часто и в холодное время года, они могут подорвать твое здоровье... Моя судьба послужит тебе примером... Я пала жертвой

того горя, какое испытала, потеряв Огастеса... Один роковой обморок стоил мне жизни... Берегись обмороков, дорогая Лаура... Безумие гораздо менее опасно. Впав в безумие, человек размахивает руками, и если приступ, его охвативший, не слишком силен, он даже может пойти на пользу... Впадай в безумие как можно чаще... Главное, не лишайся чувств...»

То были ее последние слова, обращенные ко мне... Совет бедной Лауре, которая всегда ему неукоснительно следовала.

Похоронив свою подругу, безвременно ушедшую из жизни, я немедленно (хоть и была глубокая ночь) покинула ненавистную мне деревню, в которой она умерла и неподалеку от которой расстались с жизнью мой муж и Огастес. Я успела отойти от деревни всего на несколько ярдов, когда меня нагнала почтовая карета, куда я тут же и села, вознамерившись ехать в Эдинбург, где я надеялась найти какого-нибудь сердобольного друга, который пожалеет и утешит меня.

Когда я садилась в карету, было так темно, что я не сумела разобрать, сколько человек со мной едет; понятно было лишь, что пассажиров много. Впрочем, о том, кто именно меня сопровождает, я тогда не думала, ибо целиком отдалась своим горестным мыслям. Карета погрузилась в тишину, прерываемую лишь громким храпом одного из пассажиров.

«Что за негодяй и невежда (подумала я про себя)! Подобное поведение можно объяснить лишь полным отсутствием воспитания! Этот грубиян способен на кое-что и похуже! Такому, как он, ничего не стоит совершить самое кровавое преступление!» Так думала я про себя, и точно так же наверняка рассуждали и остальные пассажиры.

Наконец забрезжил рассвет, и я разглядела, кто был тот негодяй, что всю ночь не давал мне спать. Им оказался никто иной как сэр Эдвард, отец моего покойного мужа. Рядом с ним сидела Августа, а на одном со мной сиденье — Ваша матушка и леди Доротея. Представьте же себе мое удивление когда я обнаружила, что сижу среди старых своих знакомых! Но изумление мое возросло еще больше, когда, выглянув в окно, обнаружила я на втором этаже дилижанса мужа Филиппы, а также с ним рядом — Филандера и Густава.

«О Боже (вскричала я), неужто я и впрямь окружена моими ближайшими родственниками и добрыми знакомыми?!»

Стоило мне произнести вслух эти слова, как все взгляды устремились в тот угол, где я сидела.

«Ах, моя Изабелла (продолжала я, бросаясь в объятья леди Доротеи)! Прижмите же вновь к груди вашу несчастную Лауру. Увы! Когда мы с вами

расстались в долине Аска, я была счастлива, ибо стала женой лучшего из Эдвардов. Тогда у меня еще был отец, была мать, я не знала бед и тревог... Теперь же, кроме вас, у меня никого не осталось...»

«Что (перебила меня Августа)?! Выходит, мой брат мертв? Говорите, заклиная вас, что с ним случилось?»

«Да, холодная и бесчувственная нимфа (ответила я), вашего несчастного обожаемого брата больше нет! Можете радоваться: отныне вы — единственная наследница сэра Эдварда!»

Хотя я ненавидела ее с того самого дня, когда мне удалось подслушать ее разговор с моим Эдвардом, я тем не менее, вняв мольбам ее и сэра Эдварда, поведала им сию печальную историю. Они были потрясены до глубины души: даже жестокое сердце сэра Эдварда и черствое сердце Августы были тронуты сей печальной повестью. По просьбе Вашей матушки я поведала им обо всех несчастьях, выпавших на мою долю с той самой минуты, как мы расстались. Об аресте Огастеса и исчезновении Эдварда, о нашем приезде в Шотландию, о нечаянной встрече с нашим дедом и нашими кузенами, о пребывании в Макдональд-Холле, о той величайшей услуге, какую мы оказали Жанетте, а также о том, как нас за это отблагодарил ее отец... О его бесчеловечном поведении, о его ни на чем не основанных подозрениях и о том, как жестоко он с нами обошелся, заставив покинуть его дом... О том, как горько оплакивали мы потерю Эдварда и Огастеса и, наконец, о печальной кончине моей незабвенной подруги.

Во время моего повествования на лице Вашей матушки изобразилась жалость и удивление — удивления, увы, было больше. Проявилась ее бесчувственность и в том, что поведение мое, которое на протяжении всех моих приключений и выпавших на мою долю невзгод было идеальным, она сочла во многих ситуациях небезупречным. Но коль скоро сама я была убеждена, что всегда вела себя так, как подсказывали мне моя честь и мое воспитание, я мало обращала внимания на ее слова и попросила, вместо того чтобы подвергать сомнению мою безупречную репутацию своими неоправданными упреками, удовлетворить мое любопытство и сообщить, как она здесь оказалась. Как только она, идя навстречу моим пожеланиям, во всех подробностях изложила мне все, что случилось с ней после нашего расставания (если история эта Вам еще не известна, Ваша матушка Вам ее расскажет), я обратилась с такой же просьбой к Августе, сэру Эдварду и леди Доротее.

Августа сообщила мне, что, с детства питая любовь к красотам природы и рассматривая виды Шотландии на иллюстрациях Гилпина,^[6]

испытала столь сильное желание насладиться этими несравненными видами воочию, что уговорила своего отца отправиться в путешествие на север, а леди Доротею — их сопровождать. Сообщила она также и о том, что в Эдинбург они прибыли несколько дней назад и оттуда ежедневно совершали в дилижансе экскурсии в сельскую местность; с очередной такой экскурсии они сейчас и возвращались.

Мой следующий вопрос касался Филиппы и ее мужа. Как мне удалось выяснить, он вынужден был, растратив все свое состояние, воспользоваться талантом кучера, коим всегда отличался, и, продав все, что ему принадлежало, кроме экипажа, превратил его в дилижанс и, дабы не попасться на глаза бывшим своим знакомым, отправился в нем в Эдинбург, откуда стал через день возить пассажиров в Стерлинг. Узнала я и о том, что Филиппа, по-прежнему хранившая верность своему неблагодарному мужу, последовала за ним в Шотландию и обыкновенно сопровождала его в коротких поездках в Стерлинг.

«Мой отец (продолжала Августа) всегда, с первого дня нашего приезда в Шотландию, ездил наслаждаться горными пейзажами только в их дилижансе, чтобы дать им немного подзаработать, — тогда как нам было бы гораздо приятнее разъезжать по горному краю в почтовой карете, чем через день таскаться из Эдинбурга в Стерлинг и из Стерлинга в Эдинбург в переполненном и неудобном дилижансе».

Я всецело разделяла ее чувства и про себя ругала сэра Эдварда за то, что тот пожертвовал удовольствиями своей дочери ради нелепой старухи, чей брак с таким молодым человеком не мог оставаться безнаказанным. А впрочем, его поведение в полной мере соответствовало его характеру. И то сказать, чего можно было ожидать от черствого негодяя, который едва ли знал, что значит «сочувствие», и который к тому же... громогласно храпел?

Прощайте.

Лаура.

Письмо пятнадцатое

Лаура — Марианне (продолжение)

Когда мы прибыли в город, где должны были завтракать, я решила переговорить с Филандером и Густавом и с этой целью поднялась на второй этаж дилижанса и вежливо поинтересовалась их здоровьем, а также поделилась с ними своими опасениями относительно того положения, в каком они оказались. Поначалу мое появление их несколько смутило — они, вероятно, испугались, что я могу призвать их к ответу за те деньги, которые мне отказал наш дедушка и которых они меня лишили. Обнаружив, однако, что я ни словом не обмолвилась об этом деле, они пригласили меня сесть рядом, чтобы нам было удобнее разговаривать. Я приняла их приглашение и, покуда все остальные распивали зеленый чай и уписывали бутерброды, мы пировали более изысканным образом, предаваясь разговору по душам. Я, со своей стороны, сообщила им все, что случилось со мной; они же, по моей просьбе, во всех подробностях рассказали, как сложилась их жизнь.

«Как вам уже известно, мы — сыновья двух младших дочерей лорда Сент-Клера от итальянской оперной певицы Лаурины. Наши матери не могли в точности установить, кто был наш отец, хотя принято считать, что Филандер — сын некоего Филиппа Джонса, каменщика, мой же отец был неким Грегори Стейвсом, мастером по изготовлению корсетов из Эдинбурга. Все это, впрочем, совершенно несущественно, ведь наши матери, естественно, не были за ними замужем, а потому нашу кровь, одну из самых древних и благородных в королевстве, бесчестие не коснулось. Берта (мать Филандера) и Агата (моя собственная мать) всегда жили вместе. Ни та, ни другая не были очень богаты; их общее состояние достигало всего девяти тысяч фунтов, но коль скоро им приходилось на эти деньги жить, сумма эта, когда нам исполнилось пятнадцать, сократилась до девятисот фунтов. Эти девятьсот фунтов они хранили в ящике стола в нашей общей гостиной, чтобы деньги всегда были под рукой. То ли оттого, что их легко было присвоить, то ли от желания быть независимыми, то ли от избытка чувств (коим мы оба всегда отличались) в один прекрасный день мы взяли эти девятьсот фунтов и сбежали. Овладев означенной суммой, мы преисполнились решимости обращаться с ней экономно и не тратить ее нерасчетливо и бездумно. С этой целью мы разделили всю сумму на девять частей. Первая часть должна была пойти на съестное,

вторая на спиртное, третья на ведение хозяйства, четвертая на экипаж, пятая на лошадей, шестая на слуг, седьмая на развлечения, восьмая на туалеты и девятая на серебряные пряжки. Расписав таким образом наши расходы на два месяца (ибо мы рассчитывали растянуть девятьсот фунтов на этот срок), мы поспешили в Лондон и, к нашей радости, потратили их за семь недель и один день, то есть не дотянули до двух месяцев всего шести дней. Как только мы таким образом счастливо избавились от столь большой суммы, мы стали было подумывать о том, чтобы вернуться к нашим матерям, однако, узнав стороной, что обе они умирают с голоду, мы передумали и вместо этого решили наняться в труппу бродячих актеров, ибо всегда любили театр. Мы предложили свои услуги одной такой труппе и были приняты. Труппа наша была невелика, состояла она из директора, его жены и нас с братом. Платить жалованье, таким образом, приходилось только нам, единственный же недостаток состоял, пожалуй, лишь в том, что из-за нехватки актеров мы не имели возможности ставить многие пьесы. Впрочем, это нас нисколько не смущало... Нашим самым успешным спектаклем был „Макбет“, в этой пьесе мы и в самом деле творили чудеса. Директор всегда исполнял роль Банко, его жена — леди Макбет. Я играл трех ведьм, а Филандер — все остальные роли. Сказать по правде, трагедия эта была не только самой лучшей, но и единственной в нашем репертуаре, и, сыграв ее во всех городах Англии и Уэльса, мы приехали с ней в Шотландию, единственную страну Великобритании, где еще не были. Случилось так, что мы остановились в том самом городе, куда приехали вы и где вы встретились с вашим дедушкой... Мы находились на постоялом дворе, когда туда въехала его карета, и, увидев герб и сообразив, кому она принадлежит, а также зная, что лорд Сент-Клер — и наш дед тоже, мы решили попробовать что-то из него вытянуть, объявив ему о нашей с ним родственной связи... Как мы в этом преуспели, вам известно... Заполучив двести фунтов, мы немедленно покинули город, предоставив директору труппы и его жене самим играть „Макбета“, и направились в Стерлинг, где потратили наше небольшое состояние с большой eclat.^[7] И вот сейчас мы возвращаемся в Эдинбург в надежде устроиться в какой-нибудь театр... Такова, дорогая кузина, история нашей жизни».

Я поблагодарила славного юношу за его увлекательный рассказ и, пожелав братьям счастья и благополучия, вернулась к остальным своим друзьям, которые ожидали меня с огромным нетерпением.

Мои приключения подходят к концу, моя дорогая Марианна, — во всяком случае, на сегодняшний день.

По приезде в Эдинбург сэр Эдвард известил меня о том, что мне как

вдове его сына причитаются четыреста фунтов в год, каковые он просит меня принять. Я ответила согласием, однако про себя отметила, что негодный барон предлагает эти деньги не изысканной и обворожительной Лауре, а вдове Эдварда.

Я поселилась в романтической горной деревушке, где с тех пор и живу. Здесь меня больше не беспокоят непрошенные гости, я пребываю в печальном одиночестве и без конца оплакиваю кончину моих незабвенных батюшки, матушки, моего мужа и моей подруги.

Несколько лет назад Августа вышла замуж за Грэма, человека, который подходит ей больше любого другого; познакомилась она с ним во время своего пребывания в Шотландии.

В это же время, в надежде заполучить наследника своего рода и состояния, сэр Эдвард предложил руку и сердце леди Доротее... Его мечты сбылись.

Филандер и Густав, с успехом отыграв в эдинбургских театрах, отправились искать счастья в «Ковент-Гардене»,^[8] где и по сей день выходят на сцену под вымышленными именами «Лювис» и «Проворный».

Филиппа давно уже отправилась в мир иной, супруг же ее, как и прежде, водит почтовые кареты из Эдинбурга в Стерлинг...

Прощайте, моя дорогая Марианна.

Ваша Лаура.

30 июня 1790 г.

Послесловие

«Любовь и дружба», написанная Джейн Остен в возрасте пятнадцати лет, представляет собой пародию на сентиментальный роман в духе Ричардсона и шире — на «чувствительные» английские романы конца XVIII в. со всеми их атрибутами: резкими, неожиданными, как правило, немотивированными сюжетными поворотами, бесконечными обмороками сверхэмоциональных героев и героинь, тайнами рождения, неожиданными встречами и неизменным хеппи-эндом, где торжествует добродетель и наказывается порок.

---

notes

Примечания

Freindship — авторское написание. «Знаменитая опечатка», одна из многих в оригинале.

Minuet de la cour — придворный менуэт (фр.).

В тюрьму Ньюгейт... — вплоть до середины XIX в. перед Ньюгейтской тюрьмой в Лондоне публично вешали осужденных; в настоящее время на месте снесенной в 1902 г. тюрьмы стоит здание Центрального уголовного суда Олд-Бейли.

«*Вертер*» — в романе Гете «Страдания юного Вертера» (1774) герой кончает собой из-за неразделенной любви. Этот роман, как известно, вызвал множество самоубийств среди молодых людей.

«Жизнь кардинала Вулси» — двухтомное «Жизнеописание кардинала Вулси» Джорджа Кавендиша (1500–1561), написанное в 1557 г. и напечатанное лишь в 1641 г.; Томас Вулси (1473–1530) — английский религиозный и политический деятель.

Гилпин — английский художник Уильям Гилпин (1724–1804).

Eclat — помпа (фр.), с помпой.

...отправились искать счастья в *Ковент-Гардене*. — То есть в театре «Ковент-Гарден», открытом в 1732 г.